
«ВЫДУМКИ ОБИЖЕННЫХ ЖЕНЩИН» ИЛИ «ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ НЕ ВРЕДНА»: НУЖНА ЛИ ЖЕНЩИНАМ-УЧЕНЫМ СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА?

*Наталья Пушкарева**

Статья посвящена истории гендерной асимметрии в Российской академии наук. Анализируются эмоционально-насыщенные данные из биографических интервью и автобиографий, написанных или рассказанных женщинами-учеными, в которых они отвечают на вопрос о женских организациях (объединяющих женщин-ученых и женщин-преподавателей в университетах), размышляют об их помощи или её отсутствии. Текст продолжает долгосрочные исследования гендерной составляющей в характеристике научного сообщества советской и современной России и содержит анализ разнообразия ценностей женщин-ученых (некоторые из них ориентированы на семью, но это лишь небольшая часть) как вызов современному российскому академическому сообществу. Главный вывод автора заставляет искать причины маргинализации женщин не столько в абстрактной сфере культурных диспозиций и традиций функционирования науки в России, но, в первую очередь, в повседневной практике самой академической среды, в которой женщины не надеются на улучшение условий их труда и быта.

Ключевые слова: женщины, гендер, гендерные исследования труда, гендерная психология, гендерная антропология научного сообщества, гендерная асимметрия в науке

Необъявленная война чиновников с академическими учеными 27 июня 2013 г. перешла из латентной фазы в открытую: принудительное реформирование Академии застало академических ученых врасплох (Ученые о реформе РАН), и даже митинги протеста, прошедшие волной по ряду крупных университетских городов, лишь обнажили социальную апатию:

* Наталья Львовна Пушкарева – доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, электронная почта: pushkarev@mail.ru

ни один из существующих союзов ученых не выступил лидером в деле объединения интеллектуалов перед лицом опасности. Женские объединения (научных сотрудниц в системе РАН) оказались в общем тренде: их руководительницы не взяли на себя социальной ответственности и не превратились в центры противодействия реформе, хотя их отдельные члены выходили на митинги, участвовали в сборе подписей под обращениями. Подобная нерешительность, готовность действовать лишь «медленным шагом, робким зигзагом» заставляет задуматься: нужны ли нашей стране специальные женские организации в системе науки и образования, когда само существование научной жизни в ее прежних формах поставлено под вопрос? Цель данной публикации – генерализовать некоторые мнения и оценки, одновременно размышляя над причинами, их порождающими.

Особенности эмпирической базы исследования

Своеобразие эмпирических источников материала данного исследования, в том, что предпочтение отдается не статистике (которая вносит лишь дополнительные краски и оттенки), а автобиографическим рассказам. В российской гуманитаристике мемуарные и автобиографические источники оценивались не как основные, а как вспомогательные и дополнительные (Черноморский 1959: 5–6; Черноморский 1965: 11–14). Я же предлагаю увидеть в записях интервью и опубликованных текстах бесед журналистов с женщинами-учеными не просто словесные конструкции с тем или иным набором фактов, но и *социальные поступки* с серией оценочных суждений (как это предлагалось Ф. Лежёном, исследователем биографических интервью и автобиографий (Лежён 2000: 111). Совпадает в разговорах с женщинами-учеными (как и вообще в интервью с представителями одной профессии) только чистая информация (общеизвестные имена, даты и т.п.), за этим пределом начинается уже выбор, оценка, точка зрения... (Кестен 1970: 10–11). Они-то и интересуют нас, даже если не ставить вопрос о бытовании, распространенности, типичности (Елчинова 1994: 16). Этот подход несколько отличается от подхода социологов науки, в том числе изучавших проблемы гендерного неравенства в системе образования (Беляева, Горшкова, Костикова 2000: 178–185).

Всего было собрано около 30 биографических интервью (совместный белорусско-российский проект) (Чикалова 2007: 133–151), которые позволили задуматься о том, что меняется в статусе женщин-ученых со временем, поразмышлять о формах их адаптации к обстоятельствам повседневности, проанализировать практики исключения женщин-ученых из борьбы за ключевые должности в управлении российской наукой (Пушкарева, Казьмина 2003; Пушкарева 2011a; Пушкарева 2011b; Пушкарева 2012b; Пушкарева 2012c). Устойчивый исследовательский интерес к этому сообществу заставляет собирать биографические рассказы

женщин-ученых разных специальностей, центрируясь на такой сравнительно немногочисленной группе респонденток, как успешные работницы академических институтов и вузов, защитившие к 40 годам вторые (докторские) диссертации. Этот узкий слой интеллектуалок (прежде всего столичных) отличается высокой рефлексивностью, умением взглянуть на свою жизнь как бы со стороны, способностью точно означить, вербализовать пережитые эмоции и сформулировать требования к себе и к жизни. Именно такие тексты в общей совокупности опубликованных и рассказанных автобиографий отличает стремление сопоставлять разные временные пласты, что придает нарративу и глубину, и объективность (Гинзбург 1999: 56). Л. Я. Гинзбург была склонна разделять мемуары на «более субъективные» и «менее», считая, что больший отход от субъективности – благо и положительная черта воспоминаний (Гинзбург 1999: 10). Высокообразованные, многого достигшие в жизни они *ориентированы* в своем рассказе *на подлинность*. Характерной особенностью таких мемуаров являются *ассоциативность, хронологичность*, иногда – *дотошная фактографичность*, а также *ретроспективность, субъективность, смысловая завершенность (воплощение определенной концепции действительности), ощущение неповторимости прожитого, его необычности*, порой – и особенно в женских текстах – *фрагментарность*. Это общие черты собранных и записанных мемуарно-автобиографических текстов женщин-ученых, сопоставимые с особенностями мемуаров в целом (Лейдерман 1982: 15; Янская 1986: 375; Гаранин 1986: 8).

Тексты биографических интервью дополнены в этой статье беседами, опубликованными в СМИ, выступлениями, а также материалами, найденными в Сети на различных форумах.

Сколько успешных женщин-ученых в академической науке?

Несколько слов о том, насколько велика группа успешных женщин-ученых. При общей численности ученых-исследователей в составе институтов РАН свыше 50 тыс. человек (всего же в системе РАН работают в настоящее время чуть более 100 тыс. чел.) женщины составляют не только менее половины, но даже менее 40%. В статистических справочниках по социологии науки данные публикуются с некоторым опозданием, поэтому приходится оперировать сведениями, приведенными за период до 2011 г. включительно. Приступая к работе в нашем проекте, было решено сосредоточиться только на женщинах в академической науке, но в итоге расширили число респонденток за счет женщин-профессоров, связанных с академической наукой, но работающих при этом и в вузах тоже. Референтная же группа собственно женщин-академических ученых очень мала: доктора наук, работавшие в учреждениях РАН в 2008–2011 гг., составляют десятую

часть исследователей-женщин (защитивших докторские в возрасте до 40 лет около 30 чел.), хотя в последние годы их численность немного выросла (Индикаторы науки 2013: 59–61) (табл. 1). К сожалению, мы не располагаем данными о количестве женщин-ученых, работающих в вузах и научных учреждениях, не относящихся к РАН.

Таблица 1.

Численность женщин в общей численности исследователей с научными степенями в РАН 2008–2011 гг.

	2008			2011		
	муж.	женщ.	всего в 2008 г.	муж.	женщ.	всего в 2011 г.
Докторов наук	8286	2069	10355	8473	2236	10709
Кандидатов наук	13419	10076	23495	13729	10671	24400
Без степени	10913	9813	20726	9878	8715	18593
Численность исследователей всего	32618	21958	54576	32080	21622	53702

Особенности исторического контекста: вызовы власти, вызовы времени

Рост численности женщин, занятых профессиональным трудом в научных учреждениях, не менее трех «волн» их притока в науку – в 1920–1930-х гг., в конце 1950-х – начале 1960-х гг. и в «перестроечное время», – заставляет вновь и вновь ставить вопрос об отношении к женщине – научной работнице (Пушкарева 2013). Если всего пару десятилетий назад тема положения женщин в науке была востребована и поддерживалась западными грантами, стимулировавшими ученых изучать ее и привлекавшими внимание к теме гендерной асимметрии в российском обществе в целом (Золотов 1992; Мирская 2000а; Мирская 2000b), то сегодня эта проблема явно отодвинулась с переднего края. Потому и степень изученности вопроса характеризуют публикации десятилетней, а то и большей давности (Дежина 1997; Дежина 2003; Мирская 2002; Уварова, Мясина 2006; Уварова, Мясина 2007; Уварова, Мясина 2006–2007).

И тому есть причины. С начала 2000-х гг. общей направленностью социальной политики в отношении семьи и женщин стал акцент на сохранение традиций, в том числе многодетности, семейного (а не внесемейного – в детских садах, группах продленного дня) воспитания, ориентации женщин не столько на высокие профессиональные достижения, сколько на самореализацию как жен и матерей. Не секрет, что современная семейная политика в нашей стране – пронаталистская (по набору приоритетных задач и инструментов) и консервативная (по своей идеологии), что в значительной степени определяется предыдущим опытом советского гендерного проекта (это был опыт дефамилиализации и нехватки времени на семейное воспитание) (Чернова 2013: 256). Функционализм, нормативность и оглядка на госзаказ стали общими чертами многих социологических исследований семьи (Антонов, Медков 1996), так что специального внимания на семьи ученых в нашем контексте не обращалось. Добавим к этому демографический аспект. Женщин-ученых фертильного возраста до 40 лет работает около 3 тыс. человек (табл. 2). Ждать от них улучшения демографических показателей, способных повлиять (хотя бы в качестве модели «работающих матерей») на их сверстниц не приходится.

Добавлю, что увлеченность наукой отдельных представительниц интеллектуальной российской элиты подспудно стала рассматриваться как нечто равное отказу от исполнения жизненного предназначения, по меньшей мере тождественное отложенному родительству (рождение первенца у высокообразованных женщин отодвигается примерно на 5 лет в сравнении с их менее образованными сверстницами) (Феминова, Пронин 2008). И впрямь: большинство семей успешных в науке женщин – это либо семьи бездетных женщин, либо имеющих одного-двух (не более) детей. Женщины с тремя детьми среди докторов наук и тем более членов-корреспондентов РАН – большая редкость. Малодетность сегодня типична для всех семей, а не только для семей интеллектуальной элиты: около половины мам и пап воспитывают одного ребенка; матери не стремятся к рождению двух и более наследников, ссылаясь на недостаточность сил, средств, времени (Всероссийская перепись населения 2002 года; Всероссийская перепись населения 2010 года).

О женских организациях, объединяющих интеллектуалок, занятых в науке и образовании

Если материнство и родительство – та самая составляющая, которая осложняет положение женщины-ученой (Грицай 2011), логично задать вопрос: возможна ли поддержка в этом и иных направлениях, дабы и стимулировать их на профессиональные достижения, и в то же время помочь справиться с житейскими трудностями, когда рождаются дети? Опыт других стран и истории науки показывает, что там, где роль науки высока, существуют (и уже давно) свои общественные объединения, поддержи-

вающие в том числе женщин-ученых. Многочисленные американские объединения: American Association of University Women (AAUW), Association for Women in Science (AWIS), международная Third World Organization for Women in Science (в которой представлены свыше 4000 женщин из 90 развивающихся стран) (Observer paper), Association for Women Geoscientists, Association for Women in Mathematics, Society of Woman Geographers, Sociologists for Women in Society и многих других – доказательство эффективности подобных институций в Старом и Новом Свете (List of organizations for women in science).

Однако недавний опрос работающих в РАН (в институтах Москвы) показал, что – как это часто бывает (Рождественская 2012) – в России мужчины и женщины придерживаются относительно вопроса о помощи женщинам-ученым несходных точек зрения. Эта разница в оценках давно уже стала трюизмом для феминистских исследований, более того, обосновывает необходимость специального опроса, поскольку в противном случае и сбор материала, и сделанные на его основе выводы оказываются пораженными сексизмом (Mies 1983).

О такой форме поддержки, как помощь профсоюза в организации специальных служб, обеспечивающих комфортные условия для работающих матерей в системе РАН, а такие стали нормой в крупных университетах и научных центрах США (Frey 2006), у нас никто не слышал. Любые более или менее крупные женские организации в России чаще всего фигурируют в общественном мнении как провластные, связанные с Е. Ф. Лаховой и партией «Единая Россия» (например, «Совет по консолидации женского движения в России») (Воронина 2008). Те же, что имеют критическую направленность, – напротив, рассматриваются как ничтожно малые (малочисленные), не влияющие на общее движение общества и государства. Лишь сами члены женских объединений не устают повторять, что они являются ресурсом политической модернизации, оплотом гражданского общества, но кто к ним прислушивается (Великая, Милованова 2012: 127–129). Возникнув в начале 1990-х гг., женские объединения ученых прежде всего поспешили откеститься от мировой политической традиции, где подобные союзы были одной из ветвей второй волны женского движения (первая поднялась в 1860-е гг. и была связана с борьбой женщин за свои права, вторая – в 1960-е гг. и была ориентирована на достижение равных возможностей в реализации прав мужчин и женщин). Ия Ипатова, главный научный сотрудник Физико-технического института, доктор физико-математических наук, профессор, заявила на международной конференции «Женщины в фундаментальной науке», одним из организаторов которой выступил Санкт-Петербургский союз женщин в науке:

Мы не феминистки. Те, кто нас так называет, просто не знают значения слова «феминизм». Мы не доказываем, что женщина лучше мужчины, а добиваемся равноправия (Невское время 2000).

Не комментируя в данном случае испуг женщин-ученых именоваться феминистками, замечу, что именно с 2002 г. международные встречи женщин-физиков стали регулярными. Первая конференция «Женщины в физике», организованная Международным союзом фундаментальной и прикладной физики (IUPAP), состоялась в Париже. Около трехсот участниц представили доклады от каждой страны, свидетельствующие о региональных особенностях положения женщин-физиков. Их анализ привел к универсальному выводу: независимо от географии, у основания карьерной пирамиды множество женщин-ученых, но на ее вершину восходят единицы. В развитых странах на топ-уровне присутствует 10–15% «физичек», тогда как в развивающихся их практически нет. Российская физика в золотой середине: 5–7% женщин-профессоров и 7–9% докторов наук от общего количества (Поиск 2002).

Отношение к проблеме женщин-ученых: две точки зрения

При упоминании о «помощи» женщинам, имеющим детей, в памяти старшего поколения сразу всплывают либо кассы взаимопомощи, либо программы поддержки, о которых сотрудницы РАН узнали вместе с перестройкой и появлением западных фондов в российском научном поле – а это, скорее, гранты на исследование их «положения». Еще десять лет назад, при обсуждении в блогах статьи И. Дежиной «У науки женское лицо»¹, большинство мужчин высказалось против программ поддержки женщин в науке. Они утверждали, что следует стимулировать хорошие исследования, а не мужчин или женщин. Никто и не вспоминал о том, что поддержка женщин-ученых предполагает прежде всего создание комфортных условий для совмещения научной деятельности и семейных обязанностей. Критика была насмешливой:

Кто же двигал науку? Оказывается, женщины. А мы и не знали! Ведь женщина это не просто «хранительница домашнего очага», она ко всему прочему обладает такими качествами, как организованность, трудоспособность, добросовестность... Давайте поможем женщинам в науке... Господа спонсоры, сами мы не местные, дайте денег на гендерные исследования, помогите женщинам-ученым. Женщина в науке – это феномен. Гендерные исследования самые перспективные. Помогите нищей российской науке. Господа Сорос и МакАртур, подайте денег...

¹ Статья И.Г. Дежиной была опубликована 10 лет назад и форум ее обсуждения в настоящее время не доступен (<http://www.angelio.ru/forum/index.php?topic=894.20> – октябрь 2004, обсуждение статьи Дежиной «У науки женское лицо»). «С тех пор актуальность проблемы непонятного изобилия женщин в российской науке немного подувала – на передний план вышли другие заботы» – иронизируют современные комментаторы. <http://subscribe.ru/group/uchyonij-sovjet/4455201/> (дата обращения 22.01.2014).

Женский голос в обсуждении этой темы звучал иначе, хотя бы потому, что *все* респондентки были согласны с тем, что мир науки – это мужской мир:

Конечно, этот мир устроен по мужскому типу, но с возрастом слово «слабость» (которой, как известно, и сильна женщина) претерпевает эволюцию в женском сознании. На работе я в первую очередь должна быть профессионалом... (член-корреспондент АМН РФ Е. З. Голухова).

Мысль о том, что «женская слабость» должна как понятие по-иному прочитываться современными учеными, неоднократно сквозила в выступлениях и интервью и тех, кто инициировал создание и участвовал в работе первых конференций Межрегиональной общественной организации «Женщины в науке и образовании», аббревиатура которой тоже по-своему символична (МООЖНО, т.е. сама аббревиатура отвечает на вопрос, «можно» или «нельзя» женщинам науки создавать свои собственные объединения):

Словосочетание *женская логика* имеет глубокий смысл. Это логика нелинейная, логика взаимопонимания и терпимости, логика примирения и самоограничения. С этой логикой мы – женщины науки и образования – не против мужчин, мы за них, за себя и за будущее наших детей... (Ризниченко 2000: 192).

Вот как комментирует ситуацию лауреат шведской премии «Женщины в науке» академик РАН И. П. Белецкая:

Я думаю, таким образом (вручением премии.– *Н.П.*) шведы решили вообще поддержать женщин. Дело не в том, что женщине надо «давать фору», и даже не послабления какие-то нужны, а хорошо бы понять ситуацию женщины... Женщина не слабее, она просто другая... Если говорить о химических исследованиях или производстве – нужно иметь хорошую технику безопасности, достойные условия работы. У нас они по большому счету отсутствуют... (Изварина 1990).

Женские оценки разделились: для части женщин-ученых наличие специальных программ кажется неправильным, поскольку это создает впечатление, что женщины как исследователи по определению слабее мужчин, что неверно. Поэтому участие в таких программах кажется им унижительным. Таково мнение директора Института молекулярной биологии и генетики Г.В. Ельской. С ней согласна академик-химик из МГУ И.П. Белецкая: «*На мой взгляд, человек всегда должен рассчитывать только на себя самого. А жизнь, в конце концов, все расставит на свои места*» (Изварина 2004). Тем не менее она же в другом интервью ответила на вопрос о своей уникальности в качестве главного редактора химического журнала в России:

Я вообще не склонна обсуждать эту тему дискриминационного порядка. Женщин вообще мало в академии, их не более десяти (действительных членов академии.– *Н.П.*), и все в возрасте. Да и профессоров-женщин не так уж и много. Но это не вопрос химии, это вопрос жизни... (Белецкая 2003).

Широко смотрит на проблему женского научного участия ее коллега доктор физико-математических наук, 75-летняя Т. М. Бирштейн. Отвечая на вопрос: «Почему в науке по-прежнему мало женщин?», она сказала:

Женщине всегда было трудно совмещать исследования с заботой по дому, уходом за детьми и мужем. В России, где я живу, в науке работает много женщин, но большая их часть никогда не достигает ведущих позиций... Мне кажется, женщинам в любом деле труднее, чем мужчинам. У женщин помимо дела, есть еще очень много всего: дети, муж, дом... «А кони всё скачут и скачут, а избы горят и горят...» – говоря словами Наума Коржавина. Поэтому мне кажется, что дополнительная помощь женщинам – не вредна (Демина 2008).

Для большей части женщин, чья профессия – научная работа, специальные программы поддержки представляются необходимыми. Они полагают, что целевая, направленная помощь может способствовать изменению соотношения сил и справедливому положению женщин в научной и административной структурах науки. По сути, и как правило, они придерживаются партисипаторной модели управления наукой, привлечения женщин во властные научные структуры для того, чтобы «женский голос» был услышан, полагая, что создание специальных организаций, объединяющих женщин-ученых, – это путь реальной помощи:

Представляется, что основная роль все-таки должна отводиться естественным механизмам поддержки науки: множественности источников финансирования, системе реф-ревью, конкурсному отбору на основе качества проектов. Эти механизмы, прилагаемые к достаточно феминизированной в целом российской науке, дают шанс женщинам – хорошим исследователям – реализовывать себя в науке. Поддерживать же всех подряд только по признаку пола представляется бесперспективным (Дежина 2013).

Примечательно, что именно успешные женщины чаще всего говорят, что особые «гранты на развитие женской науки», создание общественных организаций женщин-ученых бесполезно: именно они, утвердившиеся в академическом сообществе, пройдя горнило научного становления в борьбе с андроцентричными стереотипами, считают, что подобные рассуждения «чушь», равно как особые преференции «по половому признаку»:

Выделяйте деньги прежде всего достойным ученым. Среди них обязательно будет достаточное число женщин. Давать же деньги целенаправленно женщинам-ученым – целенаправленно унижать последних... (К борьбе за гендерное равновесие-2008).

Не нужны, говорят они, ни «какая-то фора или послабления» (Химия красоты 2004), ни поддержка в виде особых объединений, выступающих за обеспечение комфортных условий для женщин, считая, что таковые именно *вредны*, поскольку «иначе женщина не будет чувствовать, что она находится на том же уровне, что и мужчина»:

Гендерный подход в науке – выдумки обиженных женщин. Женщин-ученых поддерживать не надо, если только они не попали в беду (Дежина 2004).

Те, кто умел совладать с ситуацией неравноправия в момент научного становления, кто *пробился* наверх, настойчиво утверждают, как правило, что «конкуренции не чувствуют» (и не чувствовали), даже настаивают, что ее «и быть не может»:

Женщина и наука – это вполне естественное сочетание. Научная работа – это интеллектуальный труд, его нельзя разделить на мужской или женский, главное, чтобы человек, который им занимается, нашел в нем свое призвание (Баронина, Чернышова 2002).

Именно такой тип женщин-ученых настаивает на том, что программы поддержки могут оказаться перераспределением средств: вместо содействия профессионально успешным женщинам средства будут перераспределены, опасаются они, в пользу «женщин, профессионально уступающих коллегам-мужчинам». Одна из респонденток, жестко настоявшая на анонимности, по специальности инженер, механик-исследователь, пояснила свою позицию, перечислив, что именно необходимо:

Помочь женщине-ученому прогрессировать в науке, предоставлять стипендии, «замораживающиеся» на случай отпуска по семейным обстоятельствам, помогать парам ученых найти работу по специальности в одном городе, создавать при университетах детсады... Я сама женщина, и мне казалось бы унижительным, если бы мне дали грант или должность не потому, что я хороший специалист, а по половому признаку (Какие трудности... 2006).

Подводя итоги: нужна ли женщинам-ученым социальная защита?

Размышляя над приведенными полярными мнениями и соотнося их со статистической информацией о малочисленности данной социальной группы как таковой, стоит принять во внимание ряд опосредующих моментов, которые и объясняют причины появления разных оценок по вопросу о необходимости специальных организаций, которые бы защищали интересы женщин – научных работниц. Один из них, демографический, уже был затронут. Женщин-ученых, уделяющих достаточно времени и семье, и детям, особенно нескольким, вряд ли будет больше, если не будет каких-то механизмов их поддержки. Те, кто преуспел и в науке, и в устройстве семейной жизни, воспитании детей, крайне немногочисленны, неслучайно наши немецкие коллеги именуют таких преуспевающими (честолюбивыми) еретичками (*arrivierten Häretiker*) (Bourdieu 2008). Этот оксюморон подчеркивает одновременно «включенность» и «исключенность»: с одной

стороны, они «другие», «иные», «еретички» (поскольку не хотят быть просто и только женами), с другой – чего-то достигли в собственной жизни и заняли место в мейнстриме. И в этом плане они «разоблачены», их секрет разгадан – они хотели преуспеть, и добились этого (Keller 1978).

Другой фактор – социально-психологический – связан с тем, что сложившееся положение в системе научного знания устраивает и тех, кто «пробивается», и тех, кто как бы остается за бортом профессиональной достижительности. По одну сторону, как видно из их биографических признаний, находятся те, кто в поддержке не нуждается и имеет стройную систему доказательств, что принадлежность к научной работе – особый выбор особой профессии. Пример тому – вывод известного лингвиста и литературоведа Р. А. Фрумкиной:

Всем им (другим женщинам-ученым и преподавателям.– *Н.П.*) хочется, быть может, быть, как я, но не жить, как я... Но все-таки страсть к науке лежит в основе моего экзистенциального опыта. И мне естественно быть сторонницей «брака по любви». Как устроить жизнь, вступив с наукой в «брак по расчету»? Боюсь, наука останется к вам глубоко равнодушна. Так ведь и вы со своей стороны не готовы были ей что-либо предложить... (Фрумкина 2004: 180).

По другую сторону – «научный народ», несколько отделенный от вышеназванной научной элиты. В конечном счете и в России, и на Западе существует такая «академическая миросистема», в которой существует разделение научного труда: немногочисленное «ядро» (те, кто занял высокие научные должности, ключевые посты управления наукой, кто сохраняет монополию на производство и экспорт теоретических обобщений) и некая «периферия», которая довольствуется ролью их потребителя и источника сырых эмпирических данных, кто мало на что претендует – и даже не пытается добиваться тех преференций, которые имеет научная элита (Alatas 2003). Эта основная масса академических ученых (и женщины среди них составляют в научном «населении» России значительное число, особенно в институтах гуманитарного профиля) считает себя не обязанной утруждаться освоением конвенций зарубежного академического письма или включаться в утомительный конвейер написания статей для индексируемых журналов. Среди женщин-не докторов наук в системе НИИ РАН таких ученых, получающих не слишком большие, но все же экономические выгоды при меньших эмоциональных и трудовых затратах, очевидное большинство (Соколов 2009). К ним примыкают научные сотрудницы без степени. Весьма показательны, что даже те из них, кто на каком-то этапе жизненного пути решаются поступить в очную докторантуру или прикрепиться в соискатели второй научной степени, довольно неуверенно идут к цели и в конечном счете лишь пятая часть, максимум треть, первоначально амбициозных защищает диссертации (табл. 3).

Таблица 2.
Возрастной состав женщин-ученых, имеющих научные степени и работающих в РАН в 2008, 2011 гг.
(Индикаторы науки-2013: 67–68).

	до 29 лет		30–39 лет		40–49 лет		50–59 лет		60–69 лет		70 лет и старше		Всего женщ.-исследователей	
	2008	2011	2008	2011	2008	2011	2008	2011	2008	2011	2008	2011	2008	2011
Докторов наук	-	1	30	34	204	206	635	635	552	621	648	739	2069	2236
Кандидатов наук	618	627	2106	2698	2036	1839	2400	2246	1935	1908	981	1353	10076	10671
Без степени	2320	2316	1523	1465	1704	1086	2290	1834	1482	1407	494	607	9813	8715

Таблица 3.
Прием в докторантуру и защита женщинами докторских диссертаций в 2005–2011 гг.
(Индикаторы науки 2013: 67–68.)

	Всего докторантов (мужчин и женщин) на конец года	Женщин в их числе	Из них в НИИРАН	Из них в вузах, университетах	Женщин, защит. в очную докторантуру	Очную докторантуру окончивших, всего	Окончивших с защитой докторской дис. (% к числу зачисл.)
2005	4282	1925	185	1740	598	562	210 (35%)
2007	4109	1884	164	1720	690	577	170 (25%)
2008	4242	2000	158	1842	582	513	131 (22,5%)
2009	4294	2018	159	1858	714	587	222 (31%)
2010	4418	2103	163	1938	763	548	146 (19%)
2011	4562	2204	163	2039	774	574	175 (23%)

Эта черта – не только российская. При общей нацеленности на научную карьеру в начале своей биографии большая часть женщин и в европейских университетах и академиях в конечном счете изменяет в дальнейшем своим намерениям: слишком строг контроль за скоростью достижений, велика конкуренция с мужчинами, высок спрос и напряжение сил при не слишком высоких окладах... (Rice 2012)

Поэтому работающие в российской академии подчас не стремятся к новым высотам и боятся потерять то, чего уже достигли. Речь о «вторичных приспособлениях» к своему статусу (воспользуемся термином И. Гоффмана о способах извлечения выгод из своего положения в научной организации, которые ее идеологией никак не оговариваются (Goffman 1963). Это и «лишнее», свободное время (для семьи и для себя), и особенно академический туризм (участие в конференциях, которые привлекательны скорее местом проведения, нежели содержанием обсуждаемых сюжетов). В то время как достигшие высоких статусов женщины-доктора наук заседают на дирекциях, НИСО и ученых советах, «обычные исследовательницы» уезжают учиться по обмену, посещают конференции, семинары и летние школы, бывают в экспедициях, проходят стажировки за границей. А те, кто достиг высокого уровня профессионализма, тратят время не на заседания, а дают консультации в других городах (Potter 1988), устраивают лекционные гастроли и просто работают в наших университетах и за рубежом. В то время как мужчины ищут менее трудоемкие и более высокодоходные способы, чем занятие наукой, легко оставляя последнюю на попечение женщин, женщины из сферы интеллектуального труда уйти не стремятся. Их участие превращает слабо оплачиваемую сферу занятости в стабильную. «Научный туризм» делает занятие наукой особо привлекательным, и российским женщинам-ученым часто просто не на что пожаловаться и незачем, получается, инициировать создание союзов и объединений для преодоления гендерной асимметрии в науке. В нынешнее время путешествие – это один из символов высокого социального положения. Разделение постиндустриального общества на странствующую элиту и привязанные к месту массы – давно уже трюизм для социологического теоретизирования (Соколов 2009).

Делая выводы и попытку прогнозирования, можно предположить, что ситуация отсутствия в нашей стране организаций, действительно помогающих женщинам-ученым в РАН, устраивая по разным причинам и элиту, и научный «народ» (и научную бюрократию при постах и званиях и тех, кем она управляет) – по всей видимости, будет сохраняться. Это не будет мешать появлению и существованию научных организаций, объединяющих женщин-преподавателей как представительниц вузовской науки (подавляющая часть женщин-ученых работает именно в вузах) и женщин-исследовательниц из НИИ в системе РАН. Очевидно необходимо продолжить данное исследование, рассмотрев аналогичные проблемы, с которыми сталкиваются женщины, ведущие научную работу в вузах параллельно

с преподавательской, провести сравнения условий развития научной карьеры женщин в учреждениях РАН и образовательных структурах. Возможно, выводы относительно организаций женщин-ученых в этом случае будут подкорректированы. С другой стороны, можно предположить, что ситуация отсутствия в нашей стране организаций, действительно помогающих женщинам-ученым, устраивая по разным причинам и элиту, и научный «народ» (и научную бюрократию при постах и званиях, и тех, кем она управляет), по всей видимости, будет сохраняться, несмотря на разрушение социальной солидарности, атомизацию общества и ценностную аномию. Это не будет мешать появлению и существованию научных организаций, объединяющих женщин-преподавателей или женщин-исследовательниц из НИИ в системе РАН. Однако реального изменения положения дел им вряд ли возможно будет добиться (Пушкарева 2012с).

Список источников

Антонов А. И., Медков В. *Социология семьи*. М.: Изд-во МГУ; Изд-во Международного университета бизнеса и управления, 1996.

Баронина А., Чернышова Т. И. Женщина-ученый // *Альма-матер*. 2003. (3(69)) // <http://www.almamater.tstu.ru/archive/2003/alma69/3.htm> (дата обращения: 23.05.2013).

Белецкая И. Огромный новый мир // *Наука. Известия*. 22.01.2003 // <http://www.inauka.ru/press/article27745> (дата обращения: 23.05.2013).

Беляева Г. Ф., Горшкова И. Д., Костикова И. В. Университетские женщины. Штрихи к портрету // *Общественные науки и современность*. 2000. (2): 178–185.

Великая Н. М., Милованова М. Ю. Женские общественные объединения как социальный ресурс политической модернизации в современной России // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2012. (4): 127–129 // <http://cyberleninka.ru/article/n/zhenskije-obschestvennyje-obedineniya-kak-sotsialnyj-resurs-politicheskoy-modernizatsii-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 23.05.2013).

Воронина О. А. Съезд всех съест (особенности российского женского самосознания на этапе суверенной демократии) // *Гендерные исследования*. 2008. (18): 349–356.

Всероссийская перепись населения 2002 года // www.perepis2002.ru/ (дата обращения: 23.05.2013).

Всероссийская перепись населения 2010 года // <http://www.perepis-2010.ru/> (дата обращения: 23.05.2013).

Гаранин Л. Я. *Мемуарный жанр советской литературы*. Минск: Наука и техника, 1986
Гинзбург Л. Я. *О психологической прозе*. М.: Intrada, 1999.

Голухова Е. З. Забота о сердце требует полной отдачи // *Научный центр сердечно-сосудистой хирургии им. А. Н. Бакулева*. 27.08.2009 // http://www.bakulev.ru/main/press/index.php?ELEMENT_ID=6679 (дата обращения: 22.01.2014).

Грицай Л. А. Материнство и наука: к вопросу о родительских установках современных российских женщин-ученых // *Социология науки и технологий*. 2011. 2(4): 99–104.

Дежина И. Г. Влияние грантового финансирования на положение женщин в российской науке // *Социологический журнал*. 2003. (4) // <http://www.socjournal.ru/article/567> (дата обращения: 22.01.2014).

Дежина И. Г. Зарубежные гранты для российских ученых // *Вестник РАН*. 1997. 67(12): 1088–1103.

Дежина И. Ищите, женщины! // *Живой журнал*. 11.03.2004 // <http://maryxmas.livejournal.com/156950.html> (дата обращения: 22.01.2014).

Дежина И. Г. У науки женское лицо // *Ученый совет*. 12.05.2013 // <http://subscribe.ru/group/uchyounij-совет/4455201/> (дата обращения: 22.01.2014).

Демина Н. Коня на скаку остановит, в науку работать пойдет // *Полит.ру*. 28.11.2008 // <http://www.polit.ru/science/2008/11/28/loreal.html> (дата обращения: 22.01.2014).

Елчинова М. Автобиографичният разказ като самопредставяне // *Български фолклор*. 1994. (6): 14–18.

Золотов Л. К. Проблемы участия женщин в научной деятельности // *Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований (Файнбургские чтения)*. Пермь: Изд-во Пермского государственного технического университета, 1992.

Изварина Е. Академик И. П. Белецкая: «Додумать – и сделать, как надо» // *Газета.ру*. 02.01.2004 // http://www.uran.ru/gazetanu/2004/01/nu02/wvmmnu_p4_02_012004.htm (дата обращения: 22.01.2014).

Индикаторы науки-2013: Статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013.

К борьбе за гендерное равноправие-2 // *Живой журнал*. 23.03.2008 // <http://kaktus-okamenel.livejournal.com/69009.html?thread=176017> (дата обращения: 22.01.2014).

Какие трудности возникают у женщины-ученого // *Газета.ру*. 17.05.2006 // http://www.gazeta.ru/education/2006/05/16_e_640532.shtml (дата обращения: 22.01.2014).

Кестен С. А. Повествовательный стиль автобиографических произведений Д. Ренна (на уровне синтаксиса): Автореф. дисс. канд. филол. наук. Ташкент: Изд-во Ташкентского университета, 1970.

Лежён Ф. Сто лет борьбы с автобиографией // *Иностранная литература*. 2000. (4): 110–121.

Лейдерман Н. Л. *Движение времени и законы жанра*. Свердловск: Сред.–Урал. кн. изд-во, 1982.

Мирская Е. З. Вот мы какие. Изменение самосознания академических ученых // <http://www.informika.ru/windows/magaz/newpaper/messedu/cour0267/3600.htm> (дата обращения: 22.01.2014).

Мирская Е. М. Российские академические ученые в зеркале социологии науки // *Отчужденные записки*. 2002 (7): 103–113 // http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_40.html (дата обращения: 22.01.2014).

Мирская Е. З. Современные российские ученые в зеркале социологии // *Независимая газета* (НГ – Наука). 30.05.2000а: 3.

Мирская Е. З. Ученые Академии наук в 90-х годах // *Вестник РАН*. 2000b. (11): 965–973.

Пушкарева Н. Л. Женщины-историки в России 1800–1917 // *Вестник Пермского университета*. 2012а. 1 (18): 228–246.

- Пушкарева Н. Л. Женщины в советской науке 1917–1980-е гг. // *Вопросы истории*. 2011а. (11): 92–102.
- Пушкарева Н. Л. Наука – не женское дело? К истории феминизации российской науки в начале XXI века // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: История. 2012b. 14 (2): 105–121.
- Пушкарева Н. Л. «Новые ниши»: российская наука на рубеже тысячелетий и ее женские кадры // Тычинина Л. В. (ред.) *Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Проблемы психологии и образования*. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2012с: 5–23.
- Пушкарева Н. Л. «Ума не надо»: Социальные представления о женщине о научной работнице в советском и постсоветском обществе // *Труды Карельского научного центра РАН*. Серия «Гуманитарные исследования». 2013 (3): 89–98.
- Пушкарева Н. Л. Libido academica (гендерный аспект просопографии академической жизни) // *Антропологический форум*. 2011b. (114): 168–192.
- Пушкарева Н. Л., Казьмина О. Е. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // *Этнографическое обозрение*. 2003. (4): 67–89.
- Ризниченко Г. И. Ассоциация «Женщины в науке и образовании» (5 лет деятельности) // *Общественные науки и современность*. 2000 (4): 190–196.
- Рождественская Е. Ю. *Биографический метод в социологии*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.
- Романец Д. VIP-жінка української науки // *Україна Молода*. (121). 04.07.2008 // <http://www.umoloda.kiev.ua/number/1195/169/42466> (дата обращения: 22.01.2014).
- Соколов М. М. Академический туризм: об одной форме вторичного приспособления к институтам интернациональной науки // *Неприкосновенный запас*. 2009. (5 (67)) // <http://magazines.russ.ru/nz/2009/5/so21.html> (дата обращения: 22.01.2014).
- Уварова В. И., Мясина Е. П. Техническое образование и наука в России: гендерный аспект // *Известия Орел ГТУ*. Серия «Гуманитарные науки». 2006 (4): 84–90.
- Уварова В. И., Мясина Е. П. Женский интеллектуальный капитал в российском инжиниринге // Безгодов А. В., Смирнов В. В. (ред.) *Интеллектуальный капитал – основа опережающих инноваций*. СПб.: НЦ Планетарный проект, 2007: 29–42.
- Уварова В. И., Мясина Е. П. Гендерная асимметрия в науке и вызовы времени // *Интеллектуальные силы человечества и гармония мирового развития / Материалы международной интернет-конференции*. Вып. II (сентябрь 2006 г. – январь 2007 г.). СПб, Орел: НЦ «Планетарный проект», Орел ГТУ: 138–144.
- Ученые о реформе РАН (2013) // *Эксперт*. 01.07.2013 // <http://expert.ru/2013/07/1/uchenye-o-reforme-ran/> (дата обращения: 22.01.2014).
- Феминова И., Пронин А. Положение женщин в современной России: общая характеристика // *Проза.ру*. 2008 // <http://www.proza.ru/2008/03/13/355> (дата обращения: 22.01.2014).
- Фрумкина Р. М. Аспирантура как брак по расчету // *Знамя*. 2004. (7): 180–189.
- Химия красоты. Интервью с акад. Ириной Белецкой // *Поиск*. 15.02.2004: 3.
- Чернова Ж. *Семья как политический вопрос. Государственный проект и практики приватности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Черноморский М. Н. *Мемуары как исторический источник*. М. [б/и], 1959.

Черноморский М. Н. *Работа с мемуарами при изучении истории КПСС*. Москва: «Высшая школа», 1965.

Чикалова И. Р. «Я и так слишком много делаю для себя – занимаюсь наукой...» Социальная идентичность женщин-ученых в современной Беларуси // Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. (ред.) *Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри*. М.: Издательство Вариант, ЦСПГИ, 2007: 133–151.

Янская И., Кардин В. *Пределы достоверности*. М.: Сов. Писатель, 1986.

Alatas S. F. Academic Dependency and the Global Division of Labour in the Social Sciences // *Current Sociology*. 2003. 51 (6): 599–613.

Bourdieu P. *Homo academicus*. Buenos Aires: Siglo XXI Editores Argentina, 2008.

Frey Ch. Moms in Academia: Will it be faculty or family? // *Seattlepie*. 28.10.2006.

Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. New York: Anchor Books, 1963.

Keller E. F. Gender and Science // *Psychoanalysis & Contemporary Thought*. 1978. (1): 409–433.

List of organizations for women in science // <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/4417381> (дата обращения: 22.01.2014).

Mies M. Towards a Methodology for Feminist Research // Bowles G., Klein R. D. (eds.). *Theories of Women's Studies*. London: Routledge & Kegan Paul, 1983.

Observer paper. Submitted by Organization for Women in Science for the Developing World. September 2010 // http://www.un.org/womenwatch/daw/egm/gst_2010/OWSD-OP.4-EGM-ST.pdf (дата обращения: 23.05.2013).

Potter E. Modeling the Gender Politics in Science // *Hypatia*. 1988. (3): 19–34.

Rice C. Why Women Leave Academia and Why Universities Should be Worried // Guardian Professional. Higher Education Network. 24.05.2012 // <http://www.theguardian.com/higher-education-network/blog/2012/may/24/why-women-leave-academia> (дата обращения: 22.01.2014).

**"THE FICTION OF AGGRIEVED WOMEN" OR
"EXTRA HELP IS NOT HARMFUL"? DO WOMEN ACADEMICS
NEED ANY SOCIAL PROTECTION?**

*Natalia Pushkareva**

The article is dedicated to the history of gender asymmetry in Russian Academy of sciences. The author analyzes emotionally-saturated data from biographical interviews and autobiographies written or told by women academics. The focus was on women answering questions regarding women organizations (uniting women academics and women professors at universities) and the presence or absence of help. This article builds on previous long-term research in gender issues within the scientific community of Soviet and modern Russia, exploring the values of a variety of women academics (some being family-oriented, others predominantly not) as a challenge to the contemporary Russian academic community. The main conclusion of the author is to explain the reasons for the marginalization of women in the academic community less in the abstract spheres of cultural dispositions and traditions of academia in Russia, but most of all in the concrete everyday practices of the academic environment, where women retain little hope of improvement in their life and work conditions.

Keywords: women, gender, labor gender studies, gender psychology, gender anthropology of scientific community, gender asymmetry in sciences

References

- Alatas S. F. (2003) Academic Dependency and the Global Division of Labour in the Social Sciences. *Current Sociology*, (51, 6): 599–613.
- Antonov A. I., Medkov V. (1996) *Sotsiologiya sem'i*. [Sociology of the Family], Moscow: Izdatelstvo MGU; Izdatelstvo Mezhdunarodnogo universiteta biznesa i upravleniya.
- Baronina A., Chernyshova T. I. (2003) Zhenshchina-uchenyy [Female Scientist]. *Al'ma-mater. Elektronnaya versiya gazety Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Alma Mater: The Electronic Version of Tambov State Technical University Newspaper], (3 (69)). Available at: <http://www.almamater.tstu.ru/archive/2003/alma69/3.htm> (accessed: 23 May 2013).
- Beletskaya I. (2003) Ogromnyy novyy mir [A Huge New World]. *Nauka. Izvestiya. [Science. News]* 22.01.2003. Available at: <http://www.inauka.ru/press/article27745> (accessed: 23 May 2013).
- Belyaeva G. F., Gorshkova I. D., Kostikova I. V. (2000) Universitetskie zhenshchiny. Shtrikhi k portretu [University Women. Touches to the Portrait]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], (2): 178–185.
- Bourdieu P. (2008) *Homo Academicus*, Buenos Aires: Siglo XXI Editores Argentina.

* Natalia L. Pushkareva – Doctor of Historical Sciences, Hab. Prof., Head of Women and Gender Department at the Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, e-mail: pushkarev@mail.ru

Chernova Zh. (2013) Sem'ya kak politicheskii vopros. Gosudarstvennyi proekt i praktiki privatnosti [The Family as a Political Issue. The State Project and Privacy Practices], SPb.: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Chernomorskiy M. N. (1959) *Memuary kak istoricheskiy istochnik* [Memoirs as a Historical Source], Moscow [without Publishing house].

Chernomorskiy M. N. (1965) Rabota s memuarami pri izuchenii istorii KPSS [Working with Memoirs in Studying the History of the CPSU], Moscow: "Vysshaya shkola".

Chikalova I. R. (2007) "Ya i tak slishkom mnogo delayu dlya sebya – zanimayus' naukoj" Sotsial'naya identichnost' zhenshchin-uchenykh v sovremennoy Belarusi ["I'm Doing too Much for Myself as it is Doing Science ..."] The Social Identity of Women-Academics in Modern Belarus]. P. V. Romanov, E. R. Jarskaia-Smirnova (ed.) *Professii.doc. Sotsial'nye transformatsii professionalizma: vzglyady snaruzhi, vzglyady iznutri* [Anthropology of Professions], Moscow: OOO "Variant": 133–151.

Demina N. (2008) Konya na skaku ostanovit, v nauku rabotat' poydet [She Stops a Galloping Horse, she Goes to Work in Science]. Available at: <http://www.polit.ru/science/2008/11/28/loreal.html> (accessed: 22 January 2014).

Dezhina I. G. (2013) U nauki zhenskoe litso [Science Has a Female Face]. *Uchenyy sovet* [Academic Senate], 12.05.2013. Available at: <http://subscribe.ru/group/uchyonyij-sovet/4455201/> (accessed: 22 January 2014).

Dezhina I. (2004) Ishchite, zhenshchiny! [Look, a Woman!]. *Zhivoy zhurnal* [LiveJournal], 11.03.2014. Available at: <http://maryxmas.livejournal.com/156950.html> (accessed: 22 January 2014).

Dezhina I. G. (2003) Vliyanie grantovogo finansirovaniya na polozhenie zhenshchin v rossiyskoy nauke [The Impact of Grant Funding on the State of Women in Russian Science]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Journal of Sociology], (4). Available at: <http://www.socjournal.ru/article/567> (accessed: 22 January 2014).

Dezhina I. G. (1997) Zarubezhnye granty dlya rossiyskikh uchenykh [Foreign Grants to Russian Scientists]. *Vestnik RAN* [Herald of the RAS], 67 (12): 1088–1103.

Elchinova M. (1994) Avtobiografichniyat razkaz kato samopredstavlyane [Autobiographical Story of How Self-Representation]. *B'lgarski folklore* [Bulgarian Folklore], (6): 14–18.

Feminova I., Pronin A. (2008) Polozhenie zhenshchin v sovremennoy Rossii: obshchaya kharakteristika [The Position of Women in Modern Russia: General Characteristics]. *Proza.ru*. Available at: <http://www.proza.ru/2008/03/13/355> (accessed: 22 January 2014).

Frey Ch. (2006) Moms in Academia: Will it be Faculty or Family? *Seattlepie*, 28.10.2006

Frumkina R. M. (2004) Aspirantura kak brak po raschetu [Postgraduate Study as a Marriage of Convenience]. *Znamya* [Banner], (7): 180–189.

Garanin L. Ya. (1986) *Memuaryj zhanr sovetskoy literatury* [The Memoir Genre in Soviet Literature], Minsk: Nauka i tekhnika.

Ginzburg L. Ya. (1999) *O psikhologicheskoy proze* [On the Psychological Prose], M.: Intrada.

Goffman E. (1963) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*, New York: Anchor Books.

Golukhova E. Z. (2009) Zabota o serdtse trebuet polnoy otdachi [Taking Care of the Heart Requires Full Commitment. Nauchnyy tsentr serdechno-sosudistoy khirurgii im. A. N. Bakuleva [Scientific Center of Cardiovascular Surgery named A. N. Bakulev]. Available at: http://www.bakulev.ru/main/press/index.php?ELEMENT_ID=6679 (accessed: 22 January 2014).

- Gritsay L. A. (2011) Materinstvo i nauka: k voprosu o roditel'skikh ustanovkakh sovremennykh rossiyskikh zhenshchin-uchenyykh [Motherhood and Science: the Issue of Parental Plants Modern Russian Women Scientists]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology], 2(4): 99–104.
- Indikatory nauki-2013: Statisticheskiy sbornik [Scientific Indicators: Statistical Compendium]. (2013), M.: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet "Vysshaya shkola ekonomiki".
- Izvarina E. (2004) Akademik I.P. Beletskaya: "Dodumat' – i sdelat', kak nado" [Academician Irina Beletskaya: "You have to guess – and do right"]. *Gazeta.ru* [Newspaper.ru]. 02.01.2004. Available at: http://www.uran.ru/gazetanu/2004/01/nu02/wvmnu_p4_02_012004.htm (accessed: 22 January 2014).
- K bor'be za gendernoe ravnopravie-2 [To Fight for Gender Equality-2] (2008). *Zhivoy zhurnal* [LiveJournal], 23.03.2008. Available at: <http://kaktus-okamenel.livejournal.com/69009.html?thread=176017> (accessed: 22 January 2014).
- Kakie trudnosti voznikayut u zhenshchiny-uchenogo? [What Difficulties Face Female Scientists?] (2006). *Gazeta ru.* [Newspaper.ru]. 17.05.2006. Available at: http://www.gazeta.ru/education/2006/05/16_e_640532.shtml (accessed: 22 January 2014).
- Keller E. F. (1978) Gender and Science. *Psychoanalysis & Contemporary Thought*, (1): 409–433.
- Kesten S. A. (1970) *Povestvovatel'nyy stil' avtobiograficheskikh proizvedeniy D. Renna (na urovne sintaksisa)*: Avtoref. diss. kand. filol. nauk. [The Narrative Style of Autobiographical Works Written by D. Rennes (at the Level of Syntax). Doctorate. PhD in Philology] Tashkent: Izd-vo Tashkentского universiteta.
- Khimiya krasoty. Interv'y u akad. Irinoy Beletskoy [The Chemistry of Beauty. An Interview with Academician Irina Beletskaya] (2004). *Poisk.* [Search] 15.02.2004.
- Legen F.(2000) Sto let bor'by s avtobiografiej [One Hundred Years of Struggle with the Autobiography]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], (4): 110–121.
- Leyderman N. L. (1982) *Dvizhenie vremeni i zakony zhanra* [Movement of Time and the Laws of the Genre], Sverdlovsk: Sred.– Ural. kn. izd-vo.
- List of Organizations for Women in Science. Available at: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/4417381> (accessed: 22 January 2014).
- Mies M. (1983) Towards a Methodology for Feminist Research. Bowles G., Klein R. D. (eds.) *Theories of Women's Studies*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Mirskaya E. Z. *Vot my kakie. Izmenenie samosoznaniya akademicheskikh uchenyykh* [That's What We Are. Changing the Identity of Academics]. Available at: <http://www.informika.ru/windows/magaz/newpaper/messedu/cour0267/3600.htm> (accessed: 22 January 2014).
- Mirskaya E. Z. (2000a) *Sovremennye rossiyskie uchenye v zerkale sotsiologii* [Modern Russian Scientists in the Mirror of Sociology]. *Nezavisimaya gazeta (NG – Nauka)* [Independent Newspaper. IN-Science], 30.05.2000: 3.
- Mirskaya E. Z. (2000b) *Uchenye Akademii nauk v 90-kh godakh* [Scientists of the Academy of Sciences in the 1990s]. *Vestnik RAN* [Herald of the RAS], (11): 965–973.
- Mirskaya E. M. (2002) *Rossiyskie akademicheskie uchenye v zerkale sotsiologii nauki* [Russian Academics in the Mirror of the Sociology of Science]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], (7): 103–113. Available at: http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_40.html (accessed: 22 January 2014).
- Observer paper (2010) Submitted by Organization for Women in Science for the Developing World. October 2010. Available at: http://www.un.org/womenwatch/daw/egm/gst_2010/OWSD-OP4-EGM-ST.pdf. (accessed: 23 May 2013).

- Potter E. (1988) Modeling the Gender Politics in Science. *Hypatia*, (3): 19–34.
- Pushkareva N. L. (2011a) Zhenshchiny v sovetskoy nauke 1917–1980-e gg. [Women in Soviet Science 1917–1980-s.]. *Voprosy istorii* [Questions of History], (11): 92–102.
- Pushkareva N. L. (2011b) Libido academica (gendernyj aspekt prosopografii akademicheskoy zhizni) [Libido Academica (Prosopography Gender Aspect of Academic Life)]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], (114): 168–192.
- Pushkareva N. L. (2013) "Uma ne nado": Sotsial'nye predstavleniya o zhenshchine o nauchnoy rabotnitse v sovetskom i postsovetskom obshchestve ["Brains are Not Needed": Social Representations of a Woman as Scientific Worker in the Soviet and Post-Soviet Society]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya "Gumanitarnye issledovaniya"* [Proceedings of the Karelian Research Center. Series "Studies in the Humanities"], (3): 89–98.
- Pushkareva N. L. (2012a) Zhenshchiny-istoriki v Rossii 1800–1917 [Women Historians in Russia 1800–1917]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University], 1 (18): 228–246.
- Pushkareva N. L. (2012b) Nauka – ne zhenskoe delo? K istorii feminizatsii rossiyskoy nauki v nachale XXI veka [Science – Not for Women? History of the Feminization of Russian Science at the Beginning of XXIst Century]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tver State University], Seriya: Istoriya. 14(2): 105–121.
- Pushkareva N. L. (2012c) "Novye nishchie": rossiyskaya nauka na rubezhe tysyacheletiy i ee zhenskie kadry ["The New Poor": Russian Science of the Millennium and its Female Staff]. Tychinina L. V. (ed.) *Rossiya i mir: vchera, segodnya, zavtra. Problemy psikhologii i obrazovaniya* [Russia and the World: Yesterday, Today and Tomorrow. Problems of Psychology and Education], Moscow: Moscow Pedagogical Institute named by Ekaterina Dashkova: 5–23.
- Pushkareva N. L., Chikalova I. R. (2004) Zhenshchiny-uchenye Belarusi i Rossii v postsovetskiy period (Komparativnoe issledovanie sotsial'noy identichnosti) [Women Scientists of Belarus and Russia in the Post-Soviet Period (Comparative Study of Social Identity)]. Proekt RGNF 04–01–78106 a/B-1. Moskva-Minsk.
- Pushkareva N. L., Kaz'mina O. E. (2003) Rossiyskaya sistema zakonov o brake v XX v. i traditsionnye ustanovki [The Russian System of Marriage Laws in the XX Century. and Traditional Attitudes]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], (4): 67–89.
- Rice S. (2012) Why Women Leave Academia and Why Universities should be Worried. Guardian Professional. Higher Education Network. 24.05.2012. Available at: <http://www.theguardian.com/higher-education-network/blog/2012/may/24/why-women-leave-academia> (accessed: 22 January 2014).
- Riznichenko G. I. (2000) Assotsiatsiya "Zhenshchiny v nauke i obrazovanii" (5 let deyatelnosti) [Association "Women in Science and Education" (5 Years of Agency)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], (4): 190–196.
- Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) *Biograficheskij metod v sotsiologii* [Biographical Method in Sociology], Moscow: Izdatel'skiy dom Nauchno-issledovatel'skij universitet Vysshaya shkola ekonomiki.
- Romanets D. (2008) VIP-zhinka ukrains'koï nauki [A Very important Person – a Woman in Ukrainian Science]. *Ukraina Moloda* [Young Ukraine]. 2008. (121). Available at: <http://www.umoloda.kiev.ua/number/1195/169/42466> (accessed: 22 January 2014).
- Sokolov M. M. (2009) Akademicheskij turizm: ob odnoy forme vtorichnogo prisposobleniya k institutam internatsional'noy nauki [Academic Tourism: one Form of Secondary Institutions to Adapt to International Science]. *Neprikosnovennyi zapas*

[Emergency Ration], 5 (67). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/5/so21.html> (accessed: 22 January 2014).

Uchenye o reforme RAN [Scientists About the Reform of the RAS] (2013). *Ekspert* [Expert]. 01.07.2013. Available at: <http://expert.ru/2013/07/1/uchenyie-o-reforme-ran/> (accessed: 22 January 2014).

Uvarova V. I., Myasina E. P. (2006) Tekhnicheskoe obrazovanie i nauka v Rossii: gendernyy aspekt [Technical Education and Science in Russia: the Gender Dimension]. *Izvestiya Orel GTU* [News of Orel State University], Seriya "Gumanitarnye nauki" [Series "Humanities"]. (4): 84–90.

Uvarova V. I., Myasina E. P. (2006–2007) Gendernaya asimmetriya v nauke i vyzovy vremeni. Intellektual'nye sily chelovechestva i garmoniya mirovogo razvitiya [Gender Asymmetry in Science and the Challenges of Time. *Materialy mezhdunarodnoy internet-konferentsii [Intelligent Forces of Humanity and Harmony in World Development. International Internet Conference, Sankt-Peterburg, Orel sent.' 2006 – janv 2007]. Sankt-Peterburg, Orel: "Planetarnyy proekt": 138–144.*

Uvarova V. I., Myasina E. P. (2007) Zhenskiy intellektual'nyy kapital v rossiyskom inzhiniringe [Women's Intellectual Capital in Russian Engineering]. Bezgodov A. V., Smirnov V. V. (eds.) *Intellektual'nyy kapital – osnova operezhayushchikh innovatsij* [Intellectual Capital – the Basis of Leading Innovation], SPb.: Planetarnyy proekt: 29–42.

Velikaya N. M., Milovanova M. Yu. (2012) Zhenskie obshchestvennye ob'edineniya kak sotsial'nyy resurs politicheskoy modernizatsii v sovremennoy Rossii [Women's Associations as a Social resource of Political Modernization in Contemporary Russia]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical, Social and Educational Thought]. 2(4): 127–129. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhenskie-obshchestvennye-obedineniya-kak-sotsialnyy-resurs-politicheskoy-modernizatsii-v-sovremennoy-rossii> (accessed: 23 May 2013).

Voronina O. A. (2008) Sjezd vseh sjest (osobnosti rossiyskogo zhenskogo samosoznaniya na etape suverennoy demokratii) ["The Congress will Eat You All!" (The Peculiarities of the Consciousness of Russian Women in the Making of Sovereign Democracy)]. *Gendernye issledovaniya* [Gender Studies], (18): 349–356.

Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 goda [National Census 2002] // www.perepis2002.ru/ (accessed: 23.05.2013).

Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda [National Census 2010]. Available at: <http://www.perepis-2010.ru/> (accessed: 23.05.2013).

Yanskaya I., Kardin V. (1986) *Predely dostovernosti* [The Limits of Reliability], Moscow: "Sovetskij Pisatel".

Zolotov L. K. (1992) Problemy uchastiya zhenshchin v nauchnoy deyatelnosti [Problems of Participation of Women in Science]. *Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody sotsial'nykh issledovaniy (Faynburgskie chteniya)* [Contemporary Society: Theory, Methodology, Methods of Social Research (Conference named by Grigorij Faynburg)]. Perm': Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta.